

⁵ Sellars W. *Essays in Philosophy and Its History*. Dordrecht—Boston, 1975. P. 60.

⁶ *Ibid.* P. 327.

⁷ Strawson P. *Semantics, logic and ontology*//*Neue Hefte für Philosophie*. 1975, No 8. P. 6.

⁸ Sellars W. *Science and Metaphysics*. London, 1967. Ch. IV.

⁹ Van Fraassen, Bas. *Theories and counterfactuals*//Castaneda H.—N. (ed.) *Action, Knowledge and Reality*. Indianapolis, 1975, P. 241.

¹⁰ Например, предиката «книга» к отдельным книгам.

ЛОГИКА И МЕТАФИЗИКА В СИСТЕМАХ И. КАНТА И Ф. Г. БРЭДЛИ

И. В. Косич

(Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина)

Настоящая работа не ставит своей целью всестороннее сопоставление философских систем двух мыслителей. То общее и то различное, что имеется между ними, мы намереваемся обнаружить «на стыке» логики и метафизики. Тем самым мы надеемся подтвердить гипотезу, лежащую в основе этой статьи, что характер логики, разделяемой тем или иным философом, в известном смысле определяет характер его метафизики (в самом широком смысле слова). В какой мере справедливо говорить об обратном влиянии, оказываемом метафизикой на логику, в данном случае не представляет центрального интереса.

Мы не пытаемся отстаивать здесь взгляд на Канта ни как на мыслителя метафизического склада в традиционном понимании, ни как на провозвестника некоей новой метафизики, призванной заменить собой «прежнюю» — это было бы довольно наивно. Однако не менее наивно было бы настаивать на полной индифферентности немецкого философа к метафизическим проблемам. На протяжении всего своего творчества он неоднократно заявлял о своем стремлении к построению метафизики, основанной на новых принципах по отношению к предшествующей, рассматривая критику как своеобразное ее преддверие. Более того, есть основания считать, что эта обновленная метафизика выделась им во многом по аналогии с его основной работой — «Критикой чистого разума». В этом плане особого внимания заслуживает собственная оценка Кантом своей главной «Критики», прозвучавшая в его письме к М. Герцу (1781). Немецкий философ характеризует ее как «метафизику метафизик»¹, настаивая тем самым на ее, если можно так выразиться, мета-метафизическом характере, а значит, неизбежно, и на вовлеченности в круг метафизических проблем.

Важнейшее требование, предъявляемое Кантом к метафизике, состоит в том, что она должна быть наукой. В пользу такой возможности свидетельствует ее существование в виде природной склонности: «Метафизика,—полагает немецкий фи-

лософ,— в своих основных чертах заложена в нас самой природой, может быть, больше, чем всякая другая наука» (4(1), 177)². Это признание глубокой укорененности метафизики в человеческой природе и есть то, что объединяет в первую очередь Канта и Брэдли. Согласно английскому мыслителю метафизика берет начало там же, где и поэзия, искусство и религия, когда они пытаются касаться «последних» (ultimate) проблем. Отличие же ее от всех них в том, что метафизика привносит с собой рациональные способы трактовки проблем и критерии или стандарты, по которым оценивается их значимость, однако сами эти критерии уже не могут быть обоснованы рационально. И в этом смысле можно сказать, что метафизика связана с некоей «мистической» частью нашей природы, нашими инстинктами как homo metaphysicus. Метафизика, как гласит один из афоризмов Брэдли, есть поиск плохих оснований для того, во что мы верим в силу инстинкта, однако сам поиск этих оснований есть не в меньшей степени инстинкт³.

Следует подчеркнуть, что предмет метафизики не есть нечто неизменное, раз и навсегда фиксированное, но каждый философ вкладывает в понимание его что-то свое, что каким-то образом выражает дух времени. Для Канта, как широко известно, предмет метафизики выражался тремя основными идеями: бога, свободы и бессмертия души. Брэдли в целом далек от такой широкомасштабной постановки проблемы, хотя так или иначе не может не войти в соприкосновение с вышеназванными вопросами. Метафизика, согласно определению, даваемому в его основном труде — «метафизическом эссе» «Явление и реальность», — представляет собой «попытку познать реальность как отличную от того, что есть лишь явление, или исследование первых принципов и последних истин, или же стремление постичь универсум как некое целое, а не просто обрывочное и фрагментарное»⁴. Такое понимание метафизики во многом задает дальнейшее направление исследования, накладывая отпечаток и на его конечные результаты.

Вместе с тем, несмотря на все исторически различные формы, какие принимала метафизика, она обнаруживает в этой множественности некоторое единство, позволяющее объединять во многом несхожие концепции под одним именем. Один из таких общих признаков состоит, по-видимому, в стремлении к выходу за пределы чувственного, феноменального и открытию того, что в самом общем плане может быть названо сверхчувственным. Подобную постановку вопроса о характере метафизики мы находим у Канта, что видно, в частности, из определения, даваемого им этой науке в его работе «О вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академией наук в 1791 году: Какие действительные успехи сделала метафизика со времени Лейбница и Вольфа?»: «Это наука, служащая для того, чтобы с помощью разума идти от познания чув-

ственно воспринимаемого к познанию сверхчувственного» (6, 180). Метафизика может быть также представлена как стремление к обладанию абсолютной истиной как отличной от той, которая является только относительной, к обнаружению неизменного и вневременного в отличие от того, что текуще и изменчиво.

Метафизика тем самым ориентирована на достижение позитивных истин и как таковая противостоит скептицизму, который с его отрицанием возможности обладания положительным знанием предстает как антитеза метафизике. Вместе с тем метафизика, как убеждено большинство философов, начиная с Декарта, останется лишь догматикой, если не будет включать в себя элементы критического, скептического рассмотрения. Конкретное место, отводимое этой критике в целостной философской системе, ее глубина и интенсивность, как раз и есть то, что отличает метафизический проект одного философа от другого. Что касается Канта, то он в целом разделяет эту установку декартовской философии, подвергая в то же время модификации представления о масштабах, какие способно приобрести подобного рода критическое рассмотрение, и о его основной направленности. Мы не ставим здесь целью выяснение конкретного соотношения между критикой, трансцендентальной философией и тем, что может быть названо собственно метафизикой, в системе кантовской философии⁵, и удовлетворимся лишь самой общей констатацией, что немецкий философ, по всей видимости, отводит критике роль своеобразной пропедевтики, предваряющей собственно позитивную, или, как иногда выражается немецкий философ, «доктринальную» часть его системы.

Во многом сходную постановку вопроса о роли критики в проекте метафизики демонстрирует и философия Брэдли. Хотя английский мыслитель и проявляет некоторые колебания в вопросе, как далеко должна простирается эта критика, как видно, в конечном итоге он склоняется к признанию ее частью, элементом «конструктивной метафизики»⁶. Задача критицизма, по его мнению, заключается в том, чтобы опрокинуть метафизические представления прошлого, вскрыв лежащие в их фундаменте ложные предпосылки. При этом философом движет убеждение, по сути, являющееся центральным при выяснении мотивов, побуждающих его, как, впрочем, и многих других, на развалинах здания прежней метафизики основать новую, что любая теория, сколь бы ни прикрывалась она ссылками на очевидность или «здравый смысл», так или иначе содержит положения, истинность которых не может быть установлена эмпирически или с опорой на какую-либо разновидность интуиции, т. е., другими словами, основывается на некоторой метафизике. Даже философский скептицизм не свободен от определенных допущений, которые молчаливо полагаются в

нем абсолютно истинными, а потому не становятся объектом критического рассмотрения, в результате чего этот скептицизм на проверку оборачивается «некритическим и самоубийственным догматизмом»⁷. Истинный же скептицизм, к какому Брэдли относит свою философию, не должен останавливаться ни перед какими выводами, даже если они грозят подорвать его собственные основания. Тем самым в метафизике может занять место только то, что прошло через горнило самой суровой и непредвзятой критики и что таким образом доказало свое право быть представленным здесь.

До сих пор мы обнаружили много общего в подходах обоих философов к проблематике метафизики. Эти параллели можно было бы продолжить, однако наш главный интерес все же представляет выяснение места логики в общих замыслах философий Канта и Брэдли. У здесь мы опять-таки обнаруживаем значительную степень сходства. В первую очередь это относится к высокой оценке обоими философами той роли, которую способна сыграть логика в осуществлении проекта метафизики, по крайней мере на подготовительном этапе его реализации.

Прежде всего обращает на себя внимание очевидное в случае с Кантом и, быть может, менее очевидное в отношении Брэдли, увязывание вопроса о возможности и границах метафизики с вопросом о возможностях и границах логики. Общеизвестно, что вопрос о возможности метафизики ставился немецким философом в зависимости от ответа на вопрос из области логики, а именно: «Как возможны априорные синтетические положения?», и, как пишет Кант в «Пролегоменах», «от разрешения этой задачи зависит сохранение или крушение метафизики, а следовательно, ее существование» (4(1), 91). Метафизика как наука может считаться осуществленной, когда она представлена в виде системы абсолютно достоверных положений о реальном, т. е. типа «Реальность (мир, бог, душа) есть то-то и то-то» (в «Феноменологии духа» Гегель весьма удачно окрестил такого рода положения «спекулятивными предположениями»).

Из сказанного выше становится понятной та первостепенная роль, какая в проекте метафизики отводилась логике, и тот особый статус, которым в этой логике наделялось суждение, ибо только в форме суждений могут быть запечатлены истины метафизики, претендующей на научность. Представляя собой фундаментальный когнитивный акт ума, суждение отлично как от простых эмпирических констатаций, не выводящих, по сути, за пределы наличного, так и от абсолютно достоверных истин интуиции, которые большей частью представляют собой тавтологии и как таковые не несут с собой никакого знания, либо же не имеет под собой достаточной очевидности, которая утвердила их в ранге абсолютных⁸. Особенность суждения состоит в том, что областью его значения выступают

истина и ложь, причем истинным или ложным будет не каждое суждение, взятое в отрыве от других, но это суждение как член идеальной системы знания, целого.

Сущность рассудочного, представляющего как способность составлять суждения, а вместе с ним и всего логического состоит в его дискурсивном характере: «Познание всякого, по крайней мере человеческого, рассудка есть познание через понятия, не интуитивное, а дискурсивное» (З, 166). Другими словами, и этот тезис является одним из центральных для обоих философов, мышление имеет дело с понятиями (в философии Брэдли эквивалентом кантовского «понятия» выступает «идея»), которые как таковые лишены действительного существования. Тем самым и один и второй настаивают на чисто виртуальном, гипотетическом, возможном существовании идей или понятий. Вместе с тем оба философа довольно резко расходятся в вопросе об их содержательности, что, как нам представляется, и есть одна из основных причин несовпадения тех результатов, к которым они приходят. Брэдли оспаривает утверждение немецкого философа о бессодержательности понятий (идей). При этом само содержание понимается им весьма специфически: оно представляет собой не что иное, как «часть действительного», т. е. чувственного, содержания, абстрагированную от своего существования в качестве психического или «ментального» образа, фиксированную нашим умом посредством абстракции отождествления и используемую «с указанием» (with reference)⁹ на нечто вне самой себя.

Собственно говоря, идея в отрыве от суждения есть не более чем абстракция. Суждение же, согласно ставшему почти хрестоматийным определению, которое английский философ дает в первом издании своего основного логического труда «Принципы логики» (1883), есть «акт, который отсылает (или относит — refer) идеальное содержание к реальности вне этого акта»¹⁰. Впоследствии сам Брэдли признавал эту формулировку не вполне удовлетворительной, однако мы приводим ее здесь потому, что она, как нам кажется, наилучшим образом демонстрирует зависимость брэдлевской трактовки суждения от того, как оно понималось Кантом. По крайней мере, оба сходятся в мысли, что суждение не ограничивается областью идей (понятий), но должно так или иначе выходить к реальному (в самом широком смысле слова).

Суждение, согласно такому подходу, распадается как бы на две половинки, совместить которые возможно в активной деятельности ума по их связыванию: всеобщую идею, выступающую его предикатом, и единичный субъект. Собственно говоря, субъект, с которым имеет дело каждое конкретное суждение, не есть вся тотальность реального, но лишь какой-то частный и ограниченный ее аспект, открывающийся в восприятии, или, в терминологии обоих философов, «явление» этой

реальности. В строгом смысле, и это различие весьма существенно для понимания расхождений между двумя философами, к области «явления» английский философ относит не только чувственно воспринимаемое, как это делает Кант, но и то, что он называет «идеальной конструкцией» на основе этого чувственно воспринимаемого, т. е. фактически само суждение и все его составляющие: грамматический и реальный субъекты суждения, предикат и связку.

В центре философий обоих лежит проблема взаимоотношения явления и реальности, которая, как мы уже определили предварительно и что намереваемся аргументировать далее, прямо или косвенно, связана с трактовкой суждения в логике Канта и Брэдли.

Брэдли, как и Кант, тесно увязывает возможность достижения «прочного» знания о реальном с перспективами целого класса суждений, в данном случае, категорических, т. е. таких, «которые делают реальное утверждение, где некоторый факт принимается или отвергается»¹⁴. Главным вопросом логики для него, таким образом, является вопрос о возможности категорических суждений как отличных от чисто гипотетических, т. е. тех, что основаны на предположении и утверждают связь между идеями, но ничего не говорят о реальной связи. Заслугой И. Ф. Гербарта, развившего, как нам представляется, некоторые идеи Канта, как раз и была, считает Брэдли, демонстрация того факта, что если суждение представляет соединение идей, то в таком случае категорическое суждение невозможно. Вывод же Брэдли таков, что суждение есть не связь идей, но связь идеи с реальностью.

Мы, конечно, далеки от стремления уравнивать эти две логические постановки вопроса о возможности метафизики: Кантову, с одной стороны, и формулируемую Брэдли, с другой. Английский философ в конечном счете не принимает абсолютного противопоставления априорного и апостериорного, аналитического и синтетического. Вместе с тем немецкий мыслитель, как мы постараемся далее показать, вовсе не индифферентен к различению категорического и гипотетического, более того, возьмем на себя смелость утверждать, что оно играет одну из ключевых ролей не только в его логике, но и во всей философии в целом.

И Кант и Брэдли исходят из субъект-предикатной формы суждения как единственно возможной. Как считает второй, сам анализ этой формы должен утвердить нас в мысли о невозможности чисто категорических суждений. Ибо эти последние, т. е. такие суждения, которые имеют форму «S есть P», должны предполагать тождество субъекта и предиката в качестве главнейшего условия своей истинности. Искомым требованиям отвечает тавтология, однако она грешит против самой формы суждения. Для нашего суждения, таким образом,

существенно различие между субъектом и предикатом, однако там, где это различие имеется, не может идти речи о совершенном суждении. Тем самым мы оказываемся перед лицом дилеммы: «...если нет различия, то нет и суждения... Однако, если, с другой стороны, есть различие, то субъект оказывается вне предизируемого содержания»¹².

Согласно общему представлению, которое, по сути, предпослано логическим построениям английского философа, реальность выступает «последним» субъектом любого суждения и предикат этого суждения каким-то образом «определяет» реальность. Как нам представляется, подобное понимание в целом навеяно Кантовой трактовкой суждения, с той, правда, существенной поправкой, что для немецкого философа только суждения, высказывающиеся о чувственно воспринимаемых вещах, могут быть собственно категорическими, тогда как сверхчувственная реальность (мир как целое, бог, душа) не может быть как таковая «квалифицирована» ни в каком суждении. Точнее говоря, суждения о реальном, выходящем за пределы сферы явлений, чувственного опыта, будут не более чем гипотетическими. Для Брэдли же суждение, высказываясь о явлении реальности в непосредственной чувственности, в то же время говорит нечто, пусть и несовершенным образом, о всей этой реальности.

В первом издании «Принципов логики» английский философ во многом следует кантовскому представлению о реальном как о неизвестном, «трансцендентальном предмете» = x , обеспечивающем объективность нашего познания. Согласно формулировке, даваемой Брэдли, «действительное суждение утверждает, что $S - P$ навязано нашему уму реальностью x . И эта реальность ... выступает субъектом данного суждения. Она есть то же, что и объективность»¹³. В «Прибавлениях» к основному тексту, появляющихся во втором издании «Принципов», философ разъясняет значение этого x . Оно означает, что «а) вовлечены дальнейшие условия и что в) природа и последствия этого остаются для меня в большей или меньшей степени неясными»¹⁴. Наше суждение, таким образом, предстает не как $S - P$, но, скорее, как $S(x)P$ и читается «Реальность такова (is such), что S есть P »¹⁵.

Подобный вывод, среди прочего, свидетельствует о значительной модификации воззрений философа на соотношение гипотетических и категорических суждений, происходящей во втором издании «Принципов». Если в первом, несмотря на все свои старания, Брэдли так и не удалось до конца снять дуализм категорического и гипотетического, то во втором он предпринимает ряд шагов, призванных преодолеть их противостояние. Одним из таких шагов является уравнивание гипотетических и условных суждений. Английский философ, правда, по-прежнему склонен отвергать существование действительных

суждений, которые были бы чисто категорическими. Даже положения его метафизики, такие, как, например, «Реальность есть одно во многом» или «Реальность есть опыт», не являясь в строгом смысле категорическими. Тем не менее (и в этом состоит один из главных его выводов) между категорическими и гипотетическими истинами не существует непреодолимой пропасти. Каждое суждение в принципе может быть восполнено таким образом, чтобы, вмести́в все необходимые условия, стать категорическим.

Все до сих пор сказанное позволяет охарактеризовать центральное расхождение в понимании соотношения гипотетического и категорического, демонстрируемое философиями Канта и Брэдли. Во-первых, оба отправляются от идеи Юма о гипотетическом характере того, что выходит за рамки наличного восприятия. Однако они существенно расходятся в оценке статуса гипотетического. Если для немецкого мыслителя оно, так сказать, является *только* гипотетическим, то для Брэдли всякая гипотеза вместе с тем содержит некоторую степень категорической истины. Английский философ, как мы видели, не сразу приходит к такому пониманию, проделывая определенную эволюцию от кантовского в своей сути разведения категорических и гипотетических суждений до диалектического признания их взаимной вовлеченности.

Кант, как известно, в своих построениях исходил из существующей на тот день формальной логики. При этом его критицизм не идет настолько далеко, чтобы поставить под сомнение некоторые из выводов этой последней. Так, он, по-видимому, принимает за безусловно истинное формально-логическое противопоставление гипотетических и категорических суждений. Одним из результатов принятия подобной позиции оказывается то, что сверхчувственный субъект или реальность «ускользает» от всех попыток со стороны явлений определить его. Реальность тем самым оказывается «по ту сторону» своих явлений, о которых, собственно, мы только и можем иметь достоверное знание, и предстает как вещь в себе. Однако, как отчетливо продемонстрировала пост-кантовская критика вещи в себе, основные аргументы которой воспринял и Брэдли, признание непознаваемых вещей несет в себе неразрешимое противоречие, ибо если бы действительно было бы нечто непознаваемое, то в этом случае мы не могли обладать о нем совершенно никаким знанием и «не могли бы даже знать, что такая вещь существует»¹⁶. Таким образом, приходит к выводу английский философ, «утверждение реальности, выпадающей из знания, совершенно бессмысленно»¹⁷.

Общий же итог его размышлений о взаимоотношении явлений и реальности состоит в констатации того факта, что реальность не находится нигде, помимо явлений, которые в этом понимании предстают как неполные и зависимые аспекты це-

лого. Тем самым наше знание о любом из ее явлений способно сказать нам нечто и о самой этой внечувственной реальности. Правда, нам недоступно исчерпывающее знание о целостном универсуме. Но и того самого общего, которое мы имеем, и, прежде всего, что такая целостная система не есть нечто всецело отрицательное, но представляет собой позитивную сущность, вполне достаточно для удовлетворения нашей метафизической склонности. И знание такого рода является абсолютным.

В заключение отметим, что модификация, какую претерпевают классические представления о природе суждения, влечет за собой, как мы видели, целый ряд самых серьезных изменений на метауровне. В центре же всего этого круга проблем лежит воззрение на соотношение гипотетических и категорических истин. Заслуга Брэдли — в привлечении внимания к важной проблеме, состоящей в том, что идеал совершенной системы знания не есть нечто безучастное по отношению к запросам «реальной» жизни, но обладает действительной, в том числе теоретической, практической и иной, значимостью. В этом, как нам кажется, английский мыслитель ближе к современности, нежели Кант, находившийся в весьма существенной зависимости от парадигмы ньютоновской физики с ее принижением роли гипотезы, вероятностного знания.

Вместе с тем кантовское противопоставление категорического и гипотетического, гипотезы и факта, в целом, как справедливо аргументирует Брэдли, неправомерное, имеет и другую сторону. Путем признания идеала всезаключающей целостности гипотезой кантовская философия, и в этом состоит ее непреходящее значение, отчетливо противостоит всем попыткам придания ему статуса особой сущности. Одна из целей Канта как раз и состоит в том, чтобы предупредить ситуацию, когда «идеал всереальной сущности», хотя бы он и выступал под именем Абсолюта (Брэдли) или Абсолютной идеи (Гегель), который на деле есть не более чем «только представление», «сначала реализуется, т. е. превращается в объект, затем гипостазирован», и, наконец, в силу естественного продвижения разума к завершению единства, далее *персонифицируется...*» (3, 511). Впрочем, справедливости ради следует отметить, что последнего, т. е. персонификации, Брэдли удастся избежать: высшая реальность или Абсолют, согласно его взглядам, «сверхличностна»¹⁸. Однако гипостазирование идеала разума, превращение его в самостоятельный объект, по-видимому, как раз и есть то, что происходит в его философии, и противоядием против чего и задумывался кантовский трансцендентализм.

¹⁸ Kant I. Briefwechsel. Hrsg. von H. Ernst Fisher. München, 1912. Bd. 1. S. 223. Об оценке Кантом метафизики см. также: Доброхотов А. Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986. С. 200.

² Ср. также: «Метафизика не только в целом, но и во всех своих частях должна быть наукой, иначе она ничто, ибо как спекуляция чистого разума она вообще-то имеет только одну опору — всеобщие воззрения» (4 (1), 196).

³ Bradley F. H. Appearance and Reality. 2-nd. ed. London, 1969. P. XIV.

⁴ Ibid. P. 1.

⁵ Такую попытку детализации и конкретизации кантовского различия между критикой и трансцендентальной философией предпринимает, в частности, В. И. Молчанов (см.: Молчанов В. И. Время, свобода и познание в «Критике чистого разума» И. Канта//Историко-философский ежегодник. М., 1987. С. 78.

⁶ В «Эссе об истине и реальности» Брэдли развивает эту свою мысль, приходя к заключению, что «...единственный скептицизм в философии, который является рациональным, должен ограничиваться отрицанием того, что истина, как таковая, уже достигнута» (Bradley F. H. Essays on Truth and Reality. Oxford, 1914. P. 17.

⁷ Ibid.

⁸ Это выдвигание суждения в центр познавательной активности и есть наиболее характерная черта того направления, которое К. Моррис окрестил «идеалистической логикой» и к числу наиболее ярких представителей которой он относит Канта и Брэдли (Morris C. R. Idealistic Logic. N.-Y.—London, 1970. Ch. VIII—IX).

⁹ Bradley F. H. The Principles of Logic. 2-nd ed. Vol. I—II. London, 1950. P. 45—46.

¹⁰ Ibid. P. 10.

¹¹ Ibid. P. 44.

¹² Bradley F. H. Appearance and Reality. P. 150.

Все это свидетельствует, по мнению Брэдли, о том, что нашему суждению, а вместе с ним и всему мышлению присущ глубокий и неустранимый дефект. Он состоит в том, что мысль в поиске подлинного единства между субъектом и предикатом, которое провозглашается самим суждением, должна показать, каким образом предикат вместе со связкой (отношение между ним и субъектом) принадлежит реальности — субъекту, т. е. тождество субъекта и предиката, не упустив одновременно с этим продемонстрировать, как стало возможно их отделение, т. е. нетождественность. Для мысли эта задача оказывается непосильной — все, на что она способна, это либо представить реальность в виде единого неразличимого целого, наподобие Парменидова Единого, в котором вовсе нельзя усмотреть конкретных условий возможности нашего предиката, либо в той или иной мере допустить «выпадение» его из реальности. Смягчению противоположности субъекта и предиката как раз и служит допущение отношения между ними, которое предстает как определенный «компромисс» между множественностью и единством.

¹³ Bradley F. H. The Principles of Logic. P. 41.

¹⁴ Ibid. P. 111.

¹⁵ Ibid. P. 623 f.

¹⁶ Bradley F. H. Appearance and Reality. P. 111.

¹⁷ Ibid. P. 114.

¹⁸ Bradley F. H. Appearance and Reality. P. 471; Essays on Truth and Reality. P. 436.